

Андреев Ник. Заметки о журналах. «Грани». Книги 21, 22, 23, 24 // Русская мысль. Париж, 1955. 26 августа. № 792. С. 4-5.

Замѣтки о журналах

"ГРАНИ", КНИГИ 21, 22, 23, 24.

В ЛИЦѢ Н. Б. Тарасовой "Грани" получили молодого критика ультра-публицистического духа. Ея статья — "Об источниках живой воды" (по поводу нового романа Леонида Леопова "Русский лѣс") написана очень доходчива и крайне страстно, но, думается, едва ли стоит особенно пѣствовать этот публицистическій метод в эмигрантской литературной критикѣ: от него достаточно оскомины и в Россіи. К тому же Леопов — писатель сложный, лукавый: ловить его на публицистическую удочку, это только тѣмъ собственнй рыболовный азарт критика. Может быть, это хорошо для пропаганды, но мало что дает для пониманія Леопова по существу*).

Совсѣм неудачны статьи Г. Забѣжинскаго "Критическое о критиках": нѣкая претенціозная, печеткая и просто скучная попытка "репривозать" наслѣдство Ефлинскаго, Писарева, Добролюбова, Михайловскаго и других. Редакція снабдила эти статьи примѣчаніем: "печатаются в порядкѣ обсужденія". Но, честно говоря, матеріал так неудачно подан, что и обсуждать его не

стоит, да и нельзя, собственно, поскольку основная концепція автора остается неясной.

Особняком — статьи Н. Татищева: пѣчто "О современной французской мысли" и "Сновидѣніе Фридриха Гельдерлина". — большая личная культура автора соединена с нотами довольно забавнаго "учительства".

Разнобоян матеріал в Чеховском номерѣ, вообще сравнительно удачном. Георгій Петров "Ея не будет больше никогда..." пишет в ультра-лирической и в сугубо античеховской формѣ, со "слезой" и с "нажимом", с "политикой" и с наклейками на юбиляра ("подлинный поэт интеллигенціи", "грустно-улыбчивыя странички" и так далѣе: как пожелал бы Чехов, прочти он подобныя "этикетки" о себѣ). Смысл статьи в том, что Россія Чехова больше не существует. Незамысловатая эта нетина, повидимому, так поразила редакцію, что "античеховизмы" Георгія Петрова открывают Чеховскій номер. Впрочем, среди остального матеріала триумфов, к счастью, немного. Жаль, что редакція не представила читателям авторов статей, рассказывающих об отношеніи к Чехову в разных стра-

нах. Повидимому, это умолчаніе объясняется тѣм, что авторы слишком разнокалиберные.

О Чеховѣ в Италіи авторитетный обзор дал итальянскій знаток русской литературы, автор многочисленных изслѣдованій по исторіи литературы и культуры Россіи, перво-классный переводчик на итальянскій языкъ очень многих произведений наших классиков, профессор Этторе Ло Гатто, — его обзор представляет собой исключительную цѣнность, так же, как уже упоминавшаяся дважды в "Русской Мысли" статья профессора Г. П. Струво "Чехов, Мейерхольд и совѣтскіе фальсификаторы". О Чеховѣ в Англіи чрезвычайно интересно и с глубоким знаніем предмета рассказывает один из самых блестящих современных переводчиков с русскаго на англійскій языкъ К. Фицджеральд (К. Л. Зиновьев), великолепно знающій обоіи литературы. Как будто бы довольно освѣдомлена незаслуженно короткая справка "Чехов у сербов" г. А. П., — пишущему эти строки довелось слышать увлекательные рассказы наших знаменитых "художественников", В. М. Греч и П. А. Павлова о реакціи сербов при постановках пьес Чехова (и по-русски и по-сербски) в Югославіи и, конечно, жаль, что г. А. П., обычно многословный, на этот раз — к читательской досадѣ — весьма лаконичен. Это тѣм болѣе досадно, что другія славянскія страны вообще не затронуты в этом любопытном "обозрѣніи". О Чеховѣ во Франціи написал Н. Татищев. Между прочим,

для свѣдѣнія редакціи "Грани": автор посвященной французской біографіи Чехова — женщина: Н. Немировская. Довольно интересна замѣтка "Чехов-драматург в Швеціи" Греты Йельм, и весьма слегка касается Чехова пѣкто Вилліам Йенсен — "Вишневый сад в Даніи".

Конечно, немало стихов, но не так мало и поэзіи. Остры и мужественны сонеты на историческія темы А. Лисицкой. Ее выдавали за "совѣтскую поэтессу, судьба которой неизвѣстна". Не литературная ли это мистификація? Названіе цикла "Правичный солдат", к которому принадлежат своеобразнѣйшія характеристики з н а т о к а русской исторіи, как будто бы мелькало в соединеніи с именем и пимѣ здравствующаго литератора, по объему своих интересов — универсалиста, — мелькало в русских изданіях на оккупированных нѣмцами территориях. Как бы то ни было, сонеты интересны, хотя бы своей исторической плотью, столь чуждой обычно эмигрантской поэзіи.

Наконецъ, как обычно, стихи Дм. Кленовскаго. Задерживают вниманіе напряженныя строфы О. Апостей. И немало отѣнков лирики находят читатели в стихотвореніях Лидіи Алексѣевой, Екатерины Таубер, Бориса Филиппова, отчасти — у А. Пейжирка. Совершенно отдаленно — бѣлые стихи Игоря Чипцова: чудесные, со смѣлой обращенностью к откровенной сентиментальности, подчеркнутой употребленіем "сентиментальнаго слова" — "снѣжинки", но и здѣсь полная удача.

*) Окончаніе. См. «Р. М.» №791.

ОТДѢЛНУЮ группу произведений составляют очерки, весьма разнообразные по характеру и качеству. В. Угловский и Т. Алексинская вспоминают о А. П. Купринѣ. В. Свен рассказывает об озерѣ Селенгер. — превосходныя автобіографическія страницы, перерастающія в своеобразную повѣсть о прекрасной странѣ, о ея обитателях и о нелѣпом союзѣ съ русским бытѣ. А. Яковлевскій нѣсколько разнѣмногословен в описаніях Палестины, а Федор Пугачевъ чрезвычайно восторжен, описывая "Сердце Фландріи".

Истинной сенсацией оказываются "Письма о Канадѣ" Росте (псевдоним, под которым скрывается ученый славист и литературовѣд). Письма, которыя из этих писем печатались в русских ротаторных изданіях в Торонто. — собранныя вмѣстѣ они производят впечатлѣніе безспорной талантливости, являясь великодушной смѣсью "ума холодных наблюденій и сердца горестных замѣт", добраго юмора (черта, по истинѣ, рѣдкѣйшая в эмигрантских писаніях) и мѣткой изобразительности. Запоминающіяся страницы.

Выдѣляется отдѣл "документальной прозы". Л. Дувинг — "Великая скорбь" — продолжает свой потрясающій рассказ о страшной быти гитлеровских лагерей для совѣтских военнопленных: и автор, и редакция "Грани" заслуживают особаго признанія своей гражданской смѣлостью в обличеніи нечеловѣчности. "Дневные коллаборанты" Л. Т. Осиновой трогате-

лен своей искренностью и неустойчивым идеализмом русской интеллигентки, оказавшейся между совѣтским "молотом" и нацистской "наковальней". Одно из интереснѣйших психологических свидѣтельств о той порѣ.

Отдѣл художественной прозы — необычайно разнообразен и даже богат. О романѣ А. Дара "Солнце все же свѣтит" надо говорить отдѣльно, послѣ его завершения, но и сейчас слѣдует запомнить его имя, как имя стихійно одареннаго прозаика, смѣлаго, сильнаго, еще невпознѣ самодисциплинированнаго, неровнаго, склоннаго къ затягиваніям и повторам, — но все искупается свѣжестью языка, мѣткостью описанія, правдоподобностью эмоций: блокада Ленинграда, агонія великаго города и его символическая неколебимость (по Пушкину) — гигантская тема, которая, пока что, столь удачно выражена в прозѣ Дара. По сравненію с этой творческой картиной невозможны кажутся условными эскизные наброски Н. Неймирок "Товарищ баронесса", Л. Алексѣевой "Мой осколок" или ложно романтическая (по молодому Горькаго и, вѣроятно, под молодых "сераніоновцев"). "За жизнью жизнь!" А. Кашина. — у автора, явно, нѣтъ тем, но, кажется, переизбыток безлестности и тошноты.

Опасная — художественно — тематика на современныя совѣтскія темы представлена плодовитым Борисом Филипповым — "Стѣна"; перелицованный Леонид Андреев с его

"надрывчиком" в совѣтской обстановкѣ. — подлинности не чувствуется, хотя рассказ и весьма грамотный (беллетристический); многоудачнѣе "Сѣрва" В. Свена, но настоящее искусство этого талантливаго прозаика раскрывается в его чудесном "Бунтѣ на кораблѣ", гдѣ с изумляющей экономностью словесных средств дано не только раскрытіе мальчишеской приключенческой психологіи, но концовкой утверждено оправданіе романтики, — нѣкій гражданскій мотив, подчеркивающий художественную цѣльность рассказа.

Удачны и своеобразны "Геронческіе рассказы" Алексея Франка, полны пропіи (прежде всего — къ самому себѣ), наблюдательности, какой-то пѣвнющей непосредственности и прямо невысказаннаго, но все время ощущаемаго моральнаго отношенія къ жизни. — при этом эти эпизоды на жизни французскаго "движенія сопротивленія" и американской арміи рассказаны очень занятно и с хорошей законченностью. А. Землев — "Родина всталая" — автор почвенный, крѣпкій, ритм его прозы цеторонлив, динамики в этом втором отрывкѣ мало, но слово у него добротное, картины и портреты запоминаются.

Рассказ "Небесные фонарики" Евгения Яковлевскаго (о нѣкомъ эпизоdѣ в горящей Германіи) свидѣтельствует о все крѣпнущей силѣ этого прозаика. Превосходно построение повѣствованія, его постепенно нарастающій ритм, игра с читате-

лем, идущим сначала по ложному слѣду, намѣренно подсунутому автором, его блестящій — внутренне закономерный — выѣсно столь проинически сдержанный финал. Почему мы думаем подчас о гибели эмигрантской прозы? Кажется, весь вопрос в талантѣ. И появленіе писателя Яковлевскаго, неожиданныя его темы, его изобразительная конкретность реалиста сразу наполняет надеждой размышленія о завтрашнем днѣ русской словесности зарубежом. Яковлевскій — не только "литературный факт", он и символ. И, къ счастью, даже только в "Граних" он не один, даже за один обозрѣваемый год.

"Сентиментальная повѣсть" Леонида Ржевскаго — краснорѣчивый образчик, как можно художественно подать и сугубо совѣтскую тему. В ней угадывается автобіографическій матеріал (даже имена дѣйствующих в повѣсти академиков и профессоров лишь очень слегка закамouflированы). В основѣ, вѣроятно, будничныи совѣтскій факт. Но Ржевскій "обыгрывает" тему так, что душевная слабость героя, его "страх" полностью освобожден от элементов пресловутаго очеркизма. Поэзія молодости, поэзія Москвы, поэзія нереализованной любви, столь хорошо почувствованная писателем ("перочинные вздохи влюбленных"), дѣлает живыми эти страницы не "сентиментальной", но истинно "лирической повѣсти".

Ник. Андреев